

DOI 10.23683/2415-8852-2019-3-48-68

УДК 316

ПРОБЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПОЗИРОВАНИЯ¹*(Продолжение, начало в № 1–2)***Галина Анатольевна Орлова**

ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
e-mail: gaorlova@hse.ru

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история (1990-е годы)», реализуемого в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Аннотация. Эта статья о том, как тела, фотокамера и газета делают постсоветское состояние и социальные изменения 1990-х гг. видимыми. Она посвящена истории неловкости, выявленной в акте фотосъемки. Автор работает с письмами и фотографиями, которые читательницы и читатели «Комсомольской правды» присылали в 1996–2000 гг. на гибридный конкурс красоты «Мисс КП», объявленный газетой. Неловкость или же неполнота, неумелость, неточность воплощения обнаруживается и в дискурсивных фигурах писем, и в некогерентном соседстве текстов и фотографий, и в способах фотографического позирования. В многообразии проявлений этой неловкости автор видит эффекты постсоветского экспериментирования с выявлением себя через слово и тело.

Перспектива, задаваемая социальными исследованиями тела и визуальными исследованиями, совмещается здесь с анализом дискурса и медиа. Эта комбинация позволяет формулировать и на внятном эмпирическом материале отвечать на следующие вопросы: как люди через свои тела вовлекаются в социальные изменения и участвуют в них? Как трансформации и сдвиги первого постсоветского десятилетия проявляются через телесные практики в целом и фотографическое позирование для конкурса красоты в частности? Как современницы распада Советского Союза добровольно или вынужденно переоткрывают себя и свои тела заново?

Текст состоит из четырех частей. В первой части неловкость была определена дано через ее связь с воплощением и историзирована. Во второй части конкурс красоты, организованный на страницах «Комсомольской правды», рассмотрен в своей гетерогенности как диспозитив постсоветских изменений. В третьей части (публикуемой в этом номере) будет показано, как девяностые проступают в рассказах о себе, присланных на конкурс. И, наконец, проявления неловкости, запечатленные на конкурсных фотографиях и спровоцированные в ситуации фотосъемки, станут предметом специального анализа в заключительной части статьи.

Ключевые слова: биограммы, позирование, социальные изменения, конкурс красоты, интердискурсивность, газета, постсоветское состояние, девяностые.

Рассматривая «Мисс КП» в качестве одного из диспозитивов социальных изменений, произошедших со страной и ее обитателями в первое постсоветское десятилетие, я продолжаю выявлять и фиксировать разнообразие экономических, технологических, коммуникативных, риторических сдвигов, сгруппированных вокруг импровизированного конкурса красоты, так или иначе с ним связанных, проявившихся в ходе этого состязания и доступных наблюдению в конкурсных публикациях «Комсомольской правды» за 1996–2000 гг. Начав с инвентаризации гибридных редакционных стратегий и характеристики конкурсной политики бывшей комсомольской газеты, в третьей части статьи я переключусь на содержание текстовых читательских материалов и покажу, как 1990-е гг. проступили в рассказах конкурсанток-подписчиц о себе¹.

БИОГРАММЫ 1990-х

Напомню, что для участия в «Мисс КП» требовалось прислать в редакцию квитанцию о подписке, письмо с рассказом о себе и фото². В рамках конкурса красоты, выявляемой и утверждаемой с помощью фотографий, изображение всегда доминировало над текстом и ослабляло его. Но никогда (за исключением нескладного и неладного для «Мисс КП» 1997 г.)³ текстовый контент не выводился полностью из конкурсных публикаций. В процессе отбора и фрагментирующей верстки все слова – словесные автопортреты участниц, я-нарративы, автобиографии, характеристики, объявления о знакомстве («глаза голубые, волосы темные») и прочие жанровые формулы представления себя – превращались в подпись или компактный комментарий к снимку.

¹ В четвертой и заключительной части статьи («Практики и интерпретации», 2019, № 4) я буду анализировать снимки, присланные на конкурс и опубликованные в «Комсомольской правде» в 1996–2000 гг., обращая внимание на неловкости, возникшие и запечатленные в акте фотографического позирования. Эти неловкости я буду трактовать как корпоральные тактики и эффекты освоения нового через тело.

² За первые годы конкурса последовательность и формулировки менялись четырежды, пока не застыли, забронзовев, в версии объявления за 1999 г.: 1996 г. – ксерокопия квитанции о подписке, коротенькое – на страничку – письмо с рассказом о себе, шикарная фотография; 1997 г. – самое красивое фото, небольшое, но восхитительное письмо о себе, квитанция (в этом году с толку сбивали параллельные мини-конкурсы – на лучший рецепт, на лучший косметический рецепт, на лучшие стихи о «Комсомолке», – к участию в которых тоже и тут же приглашали «прелестниц» (13.05.1997)); 1998 г. – лучшее фото, подписываемся, несколько строк о себе (с квитанцией), 1999 г. – лучшая фотография (или несколько), ксерокопия квитанции, интересное письмо о себе.

³ По данным, полученным мною на корпусе «КП», отпечатанной в Ростове-на-Дону (дополнено московским архивом), в 1997 г. конкурс замер после двух тематических подборок.

Ослабление наррации

Неудивительно, что полноценные истории жизни, в которых есть сюжет и интрига, здесь встречаются редко¹. С одной стороны, мало кому по силам упаковать драматическую биографическую коллизию в пару-тройку предложений, отпущенных в макете для комментария. С другой, не все были готовы рассказывать о своей жизни: кто-то еще слишком мало пожил, кому-то не хватило нарративных компетенций, за кого-то письмо «дописала мама, потому что доча уехала на сессию» (27.08.1996).

Зато в конкурсных материалах мне попало немало обломков и фрагментов (жизненных) историй – того, что Д. Бойе, разрабатывающий нарративную прагматику и изучающий бытование неидеальных рассказов в повседневном взаимодействии, называет «частичными нарративами» (antenarrative) [Voje]. С помощью частичных нарративов в игру конкурсной самопрезентации вводятся отдельные – чаще всего рамочные или становящиеся рамочными в процессе отбора – биографические события и пиковые моменты жизни.

Побуждаемые редакцией к *интересному* рассказу, конкурсантки с завидной ре-

гулярностью признаются, что с трудом мирятся с рутинной и не любят стереотипы, чувствуют, как «адреналин поступает в кровь от всего нестандартного», и питают слабость к *необычному*². Они «увлекаются» им, «уважают» его, оно их «привлекает» во всех видах. Однако отступления от привычных сценариев и коллизий в нарративных обломках «Мисс КП» – большая редкость.

Две девушки не то участвовали, не то планировали участвовать в кинопробах: «талант не разглядели». Одна из участниц рассказывает, как в 15 лет получила травму позвоночника, проявила волю к жизни, упорно работала над собой и удивила врачей своим полным восстановлением. «Помогли ежедневные занятия йогой и плаванием». В 26 лет, демонстрируя полную победу уже не вполне советского человека над обстоятельствами, в которых в другие годы могла бы коваться мересьевско-корчагинская героиня, она затейливо позирует для конкурсного снимка (08.08.1998).

Как правило же, репертуар биографических событий, которые становятся подписями, задан базовыми траекториями социализации и культурными моделями жизненного пути, а сами события

¹ См., например: «Я родилась (как у Беранже) в углу подвала. В маленькой деревне Астраханской области, где не было даже электричества. Врагам назло, друзьям на удивление поступила в Ленинградскую лесотехническую академию, защитилась, вышла замуж и уехала в Оренбуржье» (25.04.1996).

² Само смещение от интересного к необычному выглядит значимой реакцией и газеты, и ее читательниц на постсоветское вступление в рынок, попыткой как-то адаптироваться к новым экономикам внимания.

предсказуемы – окончание школы, выбор профессии, дети, достижения, мобильность:

«Профессию (биолог) выбрала сама, с 4 класса читая рассказы Пескова». «В прошлом году закончила нашу школу-гимназию с серебряной медалью». «Родилась я в далекой республике Тыва». «Приехала в Москву совсем недавно в поисках удачи». «Играю, пою, но в творчестве наступил перерыв – вынужденный, так как старшему сыночку исполнился год, а на днях ожидаем второго ребенка». «У нас с партнером [бальные танцы. – Г.О.] – 64 кубка и 42 медали с разных соревнований в России и за рубежом». «До сих пор вспоминаю поход на байдарках с приключениями и гнусом».

Впрочем, повествования о жизни – пусть даже ослабленные, неполные, частичные – в подборках «Мисс КП» заметно уступают по востребованности ненарративным формам. Участницы конкурса, какими их показывает газета, чаще всего рассказывают о себе, составляя перечни достоинств, интересов, предпочтений, достижений, желаний, планов на будущее, жизненных кредо, профессиональных занятий, амплуа¹:

«Лыжи, коньки, санки – в моей жизни нечто праздничное. А в основном – бикини, море, лебеди, шампанское!». «Смесь провинциальной барышни и железной леди». «Люблю предчувствие весны, первые подснежники и запах тополиных почек». «Не выношу одиночества, считаю себя оптимисткой». «Не хочу войны и конца света. Ведь жизнь только начинается!».

Для характеристики этих рядов мне пригодится концептуальный аппарат, разработанный М. Эпштейном в ответ на утверждение нарративной гегемонии в постмодернистской психологии.

Между энциклопедией и коллекцией

Повернув к языку, британский психолог Дж. Брунер разглядел в каждом человеке рассказчика историй, а в рассказе – базовую культурную технологию упорядочивания жизненного опыта. Диахронному повествованию и пионерской брунеровской статье «Жизнь как нарратив» [Bruner] Эпштейн противопоставляет синхронный тезаурус-каталог «людей, мест, книг, чувств, мыслей», а в качестве тезаурусной единицы жизни вводит биограмму, или

¹ К выбору ненарративных – более удобных для нарезки, монтажа, превращения в подпись к снимку – форматов словесной самопрезентации организаторы все более настойчиво подталкивают конкурсанток по мере превращения «Мисс КП» в долгосрочный проект. Если в 1996 г. в условиях конкурса значится «короткое – страничка – письмо с рассказом о себе», то в 1998 г. просят всего несколько строк, а с 1999 г. предлагают отвечать списком: «что любите, что – нет, о чем мечтаете, чем увлекаетесь?».

«элементарную жизнеописательную категорию» [Эпштейн].

В рассказчиках и составителях словарей Эпштейн видит онтологически различные психологические типы. Однако материал конкурса, организованного «Комсомольской правдой», позволяет заметить, что отдельная газета и конкретная эпоха обращаются с этими онтологиями крайне не эссенциалистски, последовательно поддерживая массовый выход современниц за пределы повествования. Пристрастия, мечты и планы, из перечисления которых участницы «Мисс КП» собирают себя и свою жизнь, в терминах Эпштейна являются биограммами.

Характеризуя биограмму, Эпштейн апеллирует и к словарному мышлению, и к энциклопедии как культурной технологии управления тезаурусом [там же]. Но существуют куда более актуальные образцы и инструменты для оперирования такими концептуальными сетями.

Цифровой гуманитарий Л. Манович находит альтернативу линейному нарративу, господствовавшему в эпохи романа и кино, в парадигматике базы данных – символической форме компьютерной эпохи. По наблюдению Мановича, новые медиа все реже рассказывают истории, у которых есть начало и конец. Куда охотнее они оперируют коллекциями, состоящими из отдельных равнозначных элементов. Неповествовательные сборки, которые позволяют управлять этими множе-

ствами через их тематические группировки, сродни базам – или структурированным коллекциям – данных [Manovich: 81].

Бывшая комсомольская газета и в 1990-е гг. продолжает рассказывать читателям истории. Однако на территории «домашнего» конкурса красоты – площадке во многих отношениях экспериментальной – рассказы подписчиц-конкурсанток выводятся не только за пределы больших нарративов советской эпохи, но и вообще за пределы нарратива.

И, конечно, подписи под конкурсными снимками, составленные из писем участниц, куда больше напоминают разномастные коллекции персональных данных, чем энциклопедические статьи:

Обожаю животных (у нас 10 попугаев, 2 хомячка, 2 собаки, рыбки), люблю путешествовать, стрелять из лука, буду врачом в четвертом поколении (18 лет, 25.04.1996).

Я успела несколько раз побывать в горах, прыгнуть с парашютом (3-й разряд), освоила мотоцикл, умею ездить верхом, стенографирую, шью, готовлю, танцую, вяжу, рисую, умею играть на гитаре. Характер российский – непредсказуемый (23 года, 25.04.1996).

Я воспитываю дочь Кристину. Ко мне приложимы эпитеты «роковая», «загадочная», «неистовая». Страсть моя безгранична, я энергична, умна, красива и опасна для мужчин (35 лет, 25.06.1996).

Я грациозная, веселая, общительная (особенно с интересными людьми), люблю авантюры и мечтаю стать настоящей «бизнесвумен». Умею готовить вкусно и имею страсть к оружию (20 лет, 10.12.1996).

За свою жизнь я сменила много профессий: изолировщицы на локомотивно-ремонтном заводе, декларанта на частной фирме, официантки, буфетчицы на пароходе. Но обожаю цветы и свой ансамбль бального танца (без указания возраста, 19.04.2000).

Люблю море, животных, весну, звездное небо, друзей, ролики, путешествия. Могу твердо сказать – я счастлива! (без указания возраста, 20.06.2000).

Описание немонолитного устройства этих множеств – какие-то из них более когерентны, какие-то менее, в каких-то можно различить сдвиг, смещение или код, увидеть тематическое ядро или же систему рассеивания, разнообразные отношения соседства между элементами – является самостоятельной исследовательской задачей. В рамках этой статьи имеет значение, что биограммы из архива «Мисс КП» значительно более чутко, чем осколочные нарративы, которые раз за разом выпадают из размерности 1990-х гг., улавливают и накапливают актуальные социальные изменения, тем самым обеспечивая доступ к архиву эпохи. Смещаясь от тезаурусной разметки индивидуальной истории жизни к биографической поверхности конкурса, создаваемой совместными усилиями трех

сотен участниц, их ассистентов и волшебных помощников, редакторов и верстальщиков, я покажу, как это происходит.

Карьера для красавицы

Смещения в структуре занятости, доходов и престижа можно различить в профессиях, уже выбранных конкурсантками или загадываемых ими на будущее. В «Мисс КП» участвуют учительница, о зарплате которой «говорить смешно», и «простой российский безработный»; будущий психоаналитик и специалист по рекламе; торговка мороженым, планирующая поступать в школу прапорщиков, сержант в погонах и повар российской группы войск в Чечне; девушка, изучающая новенькую, с иголки, специальность – регионоведение, и танцовщица в ночном клубе; будущие переводчицы, мечтающие увидеть Англию, Париж, Рим, и четырнадцатилетняя сотрудница модельного агентства; воображаемые предприниматели, благотворители и активисты некоммерческого сектора – те, кто планируют организовать поставку экзотических продуктов в российские города, открыть частный спортивный клуб или приют для собак.

Конкурсный жанр ориентирован на витринные истории успеха, счастья, благополучия. Поэтому те, кто сообщает о своей экономической незащитности по месту работы, восстанавливают дефицит благосостояния за счет семейных радостей:

«Но у меня есть очень и очень много: мама и папа, муж, любимая работа, моя Леночка, родившаяся 31 декабря 1994 года. А что в принципе надо человеку для счастья?» (25.04.1996). «Я счастлива тем, что в наше безумное время в нашей безумной стране я люблю своего мужа и потому родила ему двух дочек» (18.06.1998).

Воображаемое профессиональное будущее школьниц и даже шестилетней Агаты, уже ставшей «Юной фотомоделью Дона-97» (24.09.1999), захвачено модельным бизнесом и индустриями красоты. Девушки считают себя фотогеничными и обожают позировать. Почти три дюжины участниц окончили школы красоты, этикета, своего стиля или обучаются в них. Две конкурсантки пишут, что работают в модельном бизнесе. Еще полторы дюжины очень, страстно, с детства мечтают о карьере топ-, фото-, рекламной модели, даже если «нет данных» или «мама не советует». Однако в поисках «постоянного заработка» кто-то из них решает: «буду юристом» или «буду поступать в медицинскую академию».

Со стремлением зарабатывать своей красотой рифмуется четко и неоднократно озвученное желание «всегда видеть ухоженных, красивых людей (поэтому и стала парикмахером)», «делать людей красивыми», «делать красивые и необычные вещи для красивых и необычных людей», «хочу видеть себя и всех людей умными и красивыми!». Кто-то целенаправленно мечтает «стать косметологом» или «визажистом: просто нравится все красивое». А кто-то – как Олеся из Новоуральска-2 – упаковывает в одну биограмму всю *работу красоты*, уравнивая в правах и возможностях красавиц и мастериц, сотворение красоты и ее использование, любование и действие: «Я бы хотела попробовать себя в качестве фотомодели, и визажиста, и дизайнера одежды, и... этот список можно продолжить» (30.05.1998).

Если модельер, визажист и парикмахер встраивают постсоветского человека в новые стили жизни и общество потребления через проектирование тела¹ и работу над ним², то (будущий) психолог, психоаналитик

¹ Проект тела – уже ставший классическим термин, предложенный и разрабатываемый К. Шиллингом в рамках социологии тела. Используется для проблематизации телесной составляющей идентичности, ответственность за определение и достижение которой в эпоху позднего капитализма возложена на индивида [Shilling]. Из этой перспективы интерес вчерашних советских людей к профессиональному участию, фасилитации и поддержке соотечественниц в индивидуальном проектировании ими собственных тел выглядит симптомом перехода не только в постиндустриальное, но и в постсоветское состояние.

² Д. Гимлин, которая начала изучение работы над телом с этнографии труда парикмахера [Gimlin 2002], суммировала сделанное коллегами и выделила четыре основных вектора для ее (работы над телом) трактовки: а) усилия по оформлению и преформативному производству собственного тела; б) оплачиваемый труд над телами других; в) менеджмент и дисплей для воплощений эмоционального опыта, г) производство или модификация тел через работу над ними [Gimlin 2007]. Участницы «Мисс КП» дрейфуют между двумя первыми буквами.

и психотерапевт – их среди конкурсанток тоже хватает – отвечают за адаптацию и перезагрузку иного рода, «помощь в обретении гармонии и счастья» в обществе, где все пришло в движение¹.

Хозяйство души

Н. Роуз, британский социолог, изучающий пси-комплекс и эффекты (пере)производства психологических знаний на Западе, считает, что менеджериальный вклад психологии в конструирование современного индивида состоит (среди прочего) в разработке новых ментальных словарей, на рубеже XIX и XX веков обеспечивших переход от метафизики сознания к управлению поведением [Rose]. В СССР, где наука психология была репрессирована и поражена в правах после разгрома педологии и психотехники, этот переход и его дискурсивное оснащение долгое время обеспечивали другие институты, технологии и области знания. В условиях девальвации словарей, которые вырабатывались для характеристики личности при развитии социализме и тиражировались марксистско-

ленинским обществознанием, советской литературой, публицистикой, педагогикой и пропагандой,² участницы постсоветского конкурса дрейфуют от детализированного описания волевой сферы³ к характеристике себя в терминах эмоций и коммуникативных способностей. На подступах к эмоциональному капитализму и то, и другое становится символическим ресурсом, предметом (дискурсивной) заботы и проработки⁴.

Настойчивость, решительность или целеустремленность, которые появляются в (само)описаниях конкурсанток, реконтекстуализируют или прямо включают в несоветские порядки употребления – например, приписывают Скарлетт О’Хара, соотносят с типажом нового лидера или предприимчивого человека⁵.

Лидирует (т. е. раз за разом воспроизводится) незатейливая, но беспронитывная в своем позитиве формула: «очень общительная и веселая (жизнерадостная) девушка». Участницы охотно, хоть и не очень разнообразно высказываются о своем эмоциональном тоне: «я очень

¹ О возрастающей роли психологии и психотерапии в российских условиях «шоковой терапии» 1990-х гг. см.: [Matza].

² См.: [Бикбов: 195–238; Хархордин].

³ О разработке проблемы (воспитания) воли в советской психологии и педагогике см.: [Кукулин; Хелльбек].

⁴ Об эмоциональном капитализме, постиндустриальном обществе, коммерциализации чувств см.: [Ilouz].

⁵ О менеджериальных лекалах для конструирования нового (постсоветского) человека см.: [Абрамов].

меланхоличная девушка», «считаю себя оптимистом». Не без доли кокетства пишут об интенсивности и нестабильности своей эмоциональной жизни: «Я очень эмоциональная, настроение меняется по нескольку раз в день» или «девушка с переменчивым, как погода, характером».

Психологические словари становятся разнообразнее, когда конкурсантку характеризуют родные и близкие¹. Бабушка использует репертуар и интонации уходящей эпохи: «заводила в классе». Парни напевают на очарование, темперамент и сильно развитое воображение подруг. Подруги говорят о надежности. Друзья – о современности и уме.

Списки, составленные самими участницами, содержательно изменяются и удлиняются, когда речь заходит о качествах, ценимых ими в других. Ценят открытость, ум, доброту, честность, чуткость, искренность, верность, чувство юмора, порядочность, образованность, щедрость. Не терпят глупость, непорядочность, жадность, хамство, грубость, вульгарность. В сравне-

нии с самоописаниями аксиологическая нагрузка здесь возрастает, а общительность, востребованная конкурсантками, исчезает. Зато появляется сразу много слов, с помощью которых проговаривают в деталях не столько саму способность вступать в контакты, сколько качество и глубину пребывания в отношениях.

Характеристики, предложенные в ходе конкурса, производят впечатление гендерно маркированных. Свои качества участницы раз за разом описывают как девичьи черты. От другого, не называя его по имени, ждут того, чего не включают в автопортрет: надежности, щедрости, интеллекта, цивилизованности.

Комментируя различия в объемах психологических словарей, можно апеллировать и к рикеровскому тезису о ведущей роли третьего лица в (нарративном) познании человека [Рикер: 28–29], и к рамочной неготовности наших соотечественников к содержательному определению своего «я», выявленной Ю. Лернер в начале 2000-х гг.². Однако

¹ В качестве посредников между участницами и организаторами конкурса выступают мамы, бабушки, тети, папы, дяди, сестры, парни, подруги, крестные. К 2000 г. это посредничество становится все более заметным. Но и общее число конкурсных публикаций резко возрастает.

² Лернер изучает процесс психологизации в постсоветской России. Разного рода дискурсивные и нарративные дефициты, обнаруженные в ходе биографических интервью (отсутствие разговора о себе в терминах идентичности, эмоций, автономного выбора и пр.), исследовательница объясняет отсутствием у россиян рефлексивного терапевтического «я», формирующегося в инфраструктурах психологической культуры и терапевтической помощи эпохи позднего капитализма [Лернер: 82–84]. У участниц «Мисс КП» (по крайней мере у некоторых из них), нет проблем с определением себя через эмоции. А дефицит ресурсов для самоописания – есть.

для понимания и специфики конкурса, и исторического момента фиксация, как мне представляется, будет поважнее интерпретации. Участницы «Мисс КП» охотнее рассказывают о достоинствах абстрактных других. Себя они выявляют и проявляют через фотографическое позирование.

Теоретик литературы полагает, что своим представлением о богатстве внутреннего мира («тайных порывах зависти, коварства ненависти и различных проявлениях желаний») мы обязаны литературным персонажам и их создателям [Рикер: 29–30]. Антрополог рассматривает овладение специальным терминологическим аппаратом и дискурсивное оформление «я» – психологическую социализацию – в неразрывной связи с терапевтической культурой Запада [Лернер]. А ресурсом для самоописаний участниц «Мисс КП», их единственной рабочей – т. е. фактически используемой в качестве опоры при составлении самоописаний – персонологией или системой знаний о личности становится астрология¹:

«У меня много друзей, ведь я по знаку Водолей – а это люди общительные, веселые и любящие

компании». «По гороскопу я Рак, а это – энергичные, любящие и впечатлительные люди, что характерно и мне».

С помощью зодиакальных типов, внятных характерологических атрибутов и развернутых описаний, заимствованных из гороскопов в условиях социальной и символической турбулентности, можно было легко и безопасно ответить на вопрос об идентичности, получить словарь самоописания, обосновать выбор категорий, охарактеризовать себя не просто в третьем лице, но со стороны типа. Наконец, те, кто писал в «Комсомолку» во второй половине 1990-х гг., сообщали, что находят в астрологических знаниях и ресурсах рабочие эталоны, систему координат и даже спасительную точку опоры:

«Катюша у нас по гороскопу Дева. И этот знак зодиака ей очень подходит». «По гороскопу я Козерог и надеюсь, этот знак поможет мне продолжить дорогу в лучшую жизнь».

Протез для мечты

Официальное приглашение *мечтать* участницы «Мисс КП» получили только осенью 1999 г. До этого мечтали по собственной

¹ О возрождении астрологии в 1990-е гг. на фоне кризиса сциентизма и веры в научно-технический прогресс, сопровождавших распад СССР, см.: [Kellner].

инициативе, не так гладко, часто и системно. О мечтах, выведенных из употребления, – тех, что сбылись (стала учительницей, родила сына), или тех, которым «не суждено было осуществиться» (не стала журналисткой или актрисой), – рассказывали поначалу и перестали говорить по мере того, как в дискурсивный формат конкурса и качество вовлеченности конкурсанток вносились уточнения. К 2000 году мечта фигурирует уже в подписи к каждому третьему снимку. Означает ли это, что о завершении девяностых – по крайней мере, в масштабах отдельно взятого конкурса красоты – можно говорить как о (вос)становлении дисциплины мечты?

Выполняя работу воображения, ставшую, таким образом, рамочной и санкционированной, участницы «Мисс КП» в 1999–2000 гг. используют эти лекала почти без ограничений – в терминах мечты они описывают свое видение наилучшего будущего для человечества («мечтаю, чтобы на Земле стало светлее и чище»), собственные жизненные ориентиры («моя мечта – хочу быть хорошим человеком»), сокровенные и операциональные желания («моя самая сокровенная мечта – стать фотомоделью», «мечтаю победить в вашем конкурсе», «мечтаю побывать в вас на шестом этаже»), намерения и планы («мечтаю поступить в среднюю школу милиции в Нижнем Тагиле»).

Главные темы для мечты – профессия, личная жизнь («найти своего Григория Орлова», «быть счастливой женщиной»,

«встретить своего любимого человека») и путешествия. Третий пункт иногда комбинируется с первыми: на острова или в кругосветку мечтают поехать «с любимым», а в Англию – в качестве переводчицы. Именно путешествие, трактуемое предельно широко, становится предметом самых необузданных мечтаний участниц конкурса. Мечтают не только увидеть пирамиду Хеопса (два раза) или отправиться в заплыв по Индийскому океану (с детства), но и «оторваться от земли / Земли», «поглядеть в глаза Солнцу», «слетать на Луну» / «побывать на Луне и оттуда смотреть на Землю». Стоит ли трактовать эту неудержимую тягу к преодолению земного притяжения как реакцию на ситуацию, когда границы уже открыты, а внятные ментальные карты для земной мобильности еще отсутствуют?

Конкурсантки мечтают в широком диапазоне масштабов и возможностей – выучить иностранный язык, «быть замеченной “Комсомолкой” и хоть раз в жизни что-то выиграть», «встретиться с Алсу», «когда-нибудь увидеть море», «стать первой девушкой-футболисткой в мужской сборной», «принять участие в Грушинском фестивале», «жить у моря и каждый день видеть дельфинов», «побыть бродячей собакой, чтоб узнать, что она чувствует», «встретиться с привидением» или даже «купить остров в Средиземном море и засадить его жасмином».

Мое внимание привлекли мечты, не предназначенные для реализации. И в

особенности то обстоятельство, что самые броские из них сформулировали участницы двух возрастов – младшие школьницы (им 8–10 лет) и те, кого период распада СССР застал в начальной школе (на момент конкурса им 17–20 лет). Девочки 8–10 лет, понятное дело, еще только учатся мечтать в мире, где устойчивые ориентиры отсутствуют. Только дельфины и собаки. А вот за комментарием к неловким фигурам воображения тех, что постарше, я обращаюсь к С. Стефенсон.

Стефенсон изучает формирование российского рынка женских журналов в 1990-е гг., уделяя особое внимание созданию и освоению фантазийных миров роскоши, комфорта и престижного потребления. Исследовательница считает, что в этих мирах российские женщины укрывались от тягот повседневной жизни. Для того, чтобы охарактеризовать специфическую нереалистичность постсоветских фантазий, она модифицирует бартовскую модель функционирования рекламного образа.

Исследовательница исходит из того, что эта модель разработана для западных миров потребления, где потребитель, действуя в привычной культурной среде, способен совершать многоходовые переходы между референтом и его репрезентаций. В транзитивных обществах семиотическая машина ломается: социальные нормы больше не обеспечивают ни согласованности, ни единства интерпретаций, а рекламные образы,

ставшие свободными радикалами, на особый манер встраиваются в миры социальных изменений и помогают эти изменения пережить [Stephenson: 614].

У меня нет доказательств тому, что покупные райские острова и головокружительные бельведеры, о которых мечтают конкурсантки, родом из воображаемых миров, сформированных в 1990-е гг. рекламой и прочими визуализациями новых в своей недоступности форм жизни. Но я это допускаю.

Скрепки нового дня

В «Русских разговорах», посвященных речевой повседневности эпохи перестройки, Н. Рис рассматривает «женское население зрелого возраста», «чувствующее себя обязанным приглядывать за всем обществом в целом», в качестве гаранта сохранения общественного порядка, контролера за выполнением правил поведения, защитниц традиционной системы ценностей и культурных отличий. Исследовательница цитирует интервью, в котором одна из ее собеседниц называет женщин «орудиями тоталитаризма в России» и «проводниками конформизма», участвующими в воспроизводстве власти. Рис полагает, что эта работа осуществляется через специальные жанры – упреки, распекания, сетования [Рис: 124–126].

Участницы «Мисс КП» не ведут разговоры, по большей части принадлежат к другим

возрастным категориям, используют мажорные интонации и, следовательно, другие речевые жанры, но по-своему участвуют в утверждении обновляемых, редактируемых, собираемых заново моральных порядков. Если к рассказу о пристрастиях, мечтах и увлечениях их побуждают организаторы, то краткие изречения нравоучительного характера конкурсантки производят по собственной инициативе:

«Я решила, что вместо того, чтобы добиваться счастья, можно быть счастливой, добиваясь успеха». «Надо побеждать каждый день!». «Нужно пользоваться шансами, которые дает жизнь!». «Жизнь дана одна, и что бы ни случилось, от нее нужно брать все». «Преуспеть можно везде, только надо работать и безошибочно найти ту нишу, которая скроена специально для тебя!». «Из любого положения есть выход, нужно только его найти!». «Уверена, что доброта спасет мир!». «Если бы могла, спасла бы мир от насилия». «Счастлив тот, кто доволен собой таким, каков он есть». «Давайте не будем никогда завидовать и ныть! Предлагаю жить и радоваться!». «Жизнь в гармонии с собой и природой». «Жизнь удивительна и прекрасна». «Между людьми существует один язык – душевного тепла».

В риторическом хозяйстве «Мисс КП» нашлось место для (по)желаний, решений, побуждений, девизов, моральных принципов и жизненных кредо на злобу дня – сентенций, достойных коллекции афоризмов или девичьего альбома. А в мобилизации предприимчивости, укреплении резистентности, гармонизации и фасилитации –

содержательном профиле высказываний – можно различить полифонический ответ на вызовы 1990-х гг.

На короткой ноге с великими

Сегодня мой Facebook принес скан последней полосы еженедельника «Собеседник» за 1990 г. с галереей портретов Н.А. Андреевой, Н.И. Романова (у редакции, видимо, были свои взгляды на происхождение Николая II), Жени Белоусова, А.Б. Пугачевой, Наташи Негоды, Б.Н. Ельцина, А.М. Кашпировского, А.И. Солженицына, С. Сталлоне (судя по комментарию, неотделимого от роли). Портреты опубликовали под шапкой «Твои кумиры» в сопровождении комментария:

«Когда бы еще они вместе собрались: русский император и простой советский психотерапевт, обыкновенная ленинградская преподавательница и негасимая звезда эстрады, лауреат Нобелевской премии и ветеран вьетнамской войны? Только народная любовь да непреодолимое желание “Нового Собеседника” потрафить всем читателям без исключения воссоединили кумиров на одной газетной странице. Любуйтесь, вырезайте, наклеивайте!»

Список кумиров без рангов и различий – демократическое множество или адская сборка, – куда на равных входят элементы, принадлежащие разным культурным и идеологическим порядкам, закрепляет опыт существования и навигации в мире, где единый символический порядок демонтирован.

У «Мисс КП» есть и свои имена, и поверхность референции, устройство которой выглядит несколько иначе [Сборка 16]. Здесь нет места (контр)революции – политической, терапевтической, сексуальной, зато много музыки. Точечно воспроизводится литературный канон, эстрада, телекультура, философия. Полный список невелик, и в нем всего две женщины: Скарлет О'Хара (на нее хотят походить) и Алсу

(с ней хотят встретиться). Один кумир: Майкл Джексон. Один фан-клуб – «Армия Алисы». Два образца для подражания. Несколько предметов любви и источников цитирования (Сократ, Ромен Роллан). Одна читательница выстраивает постмодернистскую биограмму музыкальных пристрастий, помещая в ряд Чайковского, Бетховена и Дмитрия Маликова. Другая – демократизирует миры чтения, разделяя свои



Сборка 16. Поверхность референции

симпатии между Толстым и «Комсомолкой». Конкурсантки фотографируются на фоне Ди Каприо (чтобы привлечь внимание) и Бритни Спирс (попадает в кадр как часть интерьера).

В основе галереи, созданной «Собеседником», лежит невозможное соседство, но статус кумира каждый раз воспроизводится с исправной регулярностью. Вместе с возможностью вырезать и наклеивать лица новых идолов он передается и «простому советскому психотерапевту», и «обыкновенной ленинградской преподавательнице». В референтных мирах «Мисс КП» на первый план выходит не столько отмена границ при сохранении символических иерархий, сколько пересмотр самих иерархий – сокращение дистанции до авторитета и его приватизация. Пушкин интересен тем, что является «земляком по бабушке». Сходство с Хазановым выдается за личную изюминку. О своем Григории Орлове мечтают. А Цоя любят наравне с каким-то Васей. В этой неразборчивости, непочтительности и небрежении каноном проступает время.

Патриотизм, или конец прекрасной эпохи

Когда я изучала советский поворот к географии – он произошел в середине 1930-х гг. и был неразрывно связан с конструированием советской идентичности, – мое внимание привлекло пере-

открытие физической географии СССР и ее описание в мажорном, оптимистическом, пейоративном ключе [Орлова]. Конечно, участницы «Мисс КП» даже в 1996 г. ничего не говорили о значительных территориях, лежащих в области вечной мерзлоты, колоссальных заболоченных пространствах, местах, непригодных для земледелия и комфортного проживания. Однако в своем туристическом или рабочем порыве к наилучшему, примечательному, экзотичному они устремлялись за пределы страны: Египет, Австралия, Германия, Япония. Париж, Венеция, Рио де Жанейро. Пирамиды, коррида, карнавал.

Во второй половине 2000 г. ситуация меняется: участница из Перми восстанавливает позитивную географию России, бухгалтер из Тольятти предчувствует возвращение утраченного национального первенства, а четырнадцатилетняя школьница испытывает патриотические чувства:

«Бескрайние леса, чистый воздух, прохладные озера - все это моя родина, которую не променяю ни на какие европейские курорты и жаркие африканские страны!»

«Работаю бухгалтером. И очень надеюсь, что наша страна скоро сможет подняться и выбраться на одно из первых мест в мире. У нас все есть. А какие у нас девушки-красавицы! Каждый раз убеждаюсь в этом, глядя на последнюю страницу “Комсомолки”»

«Горжусь тем, что родилась и живу в России!»

В сочетании с примечательными сдвигами в профессиональных ориентирах [Сборка 17] вступление «Мисс

КП» в дискурсивный порядок нового патриотизма делает завершение *девяти* *ностых* очевидным.



Сборка 17. Завершая эпоху: от кинозвезды к офицеру ФСБ

Литература

Абрамов, Р. Перевод. От коммунизма к «карнегизму» // *Неприкосновенный запас*. 2019. № 125 (3). С. 152–168.

Бикбов, А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2014.

Кукулин, И. «Воспитание воли» в советской психологии и детская литература конца 1940-начала 1950-х гг. // *Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)*. М.: НЛО, 2015. С. 152–192.

Лернер, Ю. Телетерапия без психологии, или Как адаптируют self на постсоветском экране // *Laboratorium*. 2011. № 1. С. 72–95.

Орлова, Г. Овладеть пространством: физическая география в советской школе (1930–1960 гг.) // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2004. №. 4. С. 163–185.

Рикер, П. Повествовательная идентичность // П. Рикер. *Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью)* / Пер. с фр. И. Вдовина. М.: Академия, 1995. С. 17–36.

Рис, Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность перестройки. М.: НЛО, 2006.

Хархордин, О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2002.

Хелльбек, Й. Революция от первого лица. Дневники сталинской эпохи / Пер. с англ. С. Чачко. М.: НЛО, 2017.

Эпштейн, М. Жизнь как тезаурус // *Консультативная психология и психотерапия*. 2007. № (15) 4. С. 47–56.

Boje, D. (2001). *Narrative methods for organizational and communication research*. London: Sage.

Bruner, J. (1987). Life as narrative // *Social research*, 54 (1): 11–32.

Gimlin, D. (2002). *Body work: Beauty and self-image in American culture*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Gimlin, D. (2007). What is ‘body work’? A review of the literature // *Sociology Compass*, 1(1): 353–370.

Illouz, E. (2007). *Cold intimacies: The making of emotional capitalism*. Cambridge; Malden: Polity.

Kellner, J. (2019). As Above, So Below: Astrology and the Fate of Soviet Scientism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 20 (4): 783–812.

Kress, G., Leeuwen, T. van. (1996). *Reading images: The grammar of visual design*. Psychology Press.

Manovich, L. (1999). Database as symbolic form // *Convergence*, 5 (2): 80–99.

Matza, T. (2018). *Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Postsocialist Russia*. Durham: Duke University Press.

Rose, N. (1989). Individualizing psychology / J. Shotter, K. Gergen (eds.). *Texts of Identity*. London: Sage, 119–133.

Shilling, Ch. (2003). *The Body and Social Theory (2nd revised edition)*. London: Sage.

Stephenson, S. (2007). The changing face of women's magazines in Russia // *Journalism Studies*, 8 (4), 613–620.

References

Abramov, R. (2019). Perevod. Ot kommunizma k «karnegizmu» [Translation. From communism to carnegism] // *Neprikosnovennyj zapas*, 125 (3), 152–168.

Bikbov, A. (2014). *Grammatika poryadka. Istoricheskaya sociologiya ponyatij, kotorye menyayut nashu real'nost'* [The Grammar of the Order. Historical sociology of the concepts that change our reality]. M.: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2014.

Boje, D. (2001). *Narrative methods for organizational and communication research*. Sage.

Bruner, J. (1987). Life as narrative // *Social research*, 54(1), 11–32.

Epstein, M. Zhizn' kak tezaurus [Life as thesaurus] // *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*. 2007, 4.

Gimlin, D. (2002). *Body work: Beauty and self-image in American culture*. University of California Press.

Gimlin, D. (2007). What is 'body work'? A review of the literature // *Sociology Compass*, 1(1), 353–370.

Hellbeck, J. (2017). *Revoluciya ot pervogo lica. Dnevnik stalinskoj epohi* [Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin] / per. s angl. S. Chachko. M.: NLO.

Illouz, E. (2007). *Cold intimacies: The making of emotional capitalism*. Polity.

Kellner, J. (2019). As Above, So Below: Astrology and the Fate of Soviet Scientism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 20(4), 783–812.

Kharkhordin, O. (2002). *Oblichat' i licemerit'. Genealogiya rossijskoj lichnosti* [Reveal and dissemble: The genealogy of private life in the Soviet Russia]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta.

Kukulin, I. (2015). "Vospitanie voli" v sovetskoj psihologii i detskaya literatura konca 1940-nachala 1950-h gg. ["Education of will" in the Soviet psychology and the literature for children in the end of 40s – beginning of 50s]. In *Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e)*. M.: NLO, 152–192.

Lerner, J. (2011). Teleterapiya bez psihologii ili Kak adaptiruyut self na postsovetskom ekrane [Teletherapy without psychology or How to adapt the self at the Post-Soviet screen] // *Laboratorium*, 1, 72–95.

Manovich, L. (1999). Database as symbolic form // *Convergence*, 5(2), 80–99.

Matza, T. (2018). *Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Postsocialist Russia*. Duke University Press.

Orlova, G. (2004). Ovladet' prostranstvom: fizicheskaya geografiya v sovetskoj shkole (1930-1960 gg.) [Master the space: physical geography at the Soviet school] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 4, 163–185.

Ries, N. (2006). *Russkie razgovory. Kul'tura i rechevaya povsednevnost' perestrojki* [Russian talk: Culture and conversation during perestroika]. M.: NLO.

Ricœur, P. (1995). Povestvovatel'naya identichnost' [The narrative identity]. In P. Ricœur.

Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie lekicii. M, 17–36.

Rose, N. (1989). Individualizing psychology. In J. Shotter, K. Gergen (Eds.), *Texts of Identity*. Sage, 119–133.

Shilling, Ch. (2003). *The Body and Social Theory (2nd revised edition)*. L.: Sage.

Stephenson, S. (2007). The changing face of women's magazines in Russia // *Journalism Studies*, 8(4), 613–620.

THE SAMPLES OF THE POST-SOVIET POSING

Galina A. Orlova, leading research fellow, the International Centre for the History and Sociology of World War II and Its Consequences, National Research University “Higher School of Economics”; e-mail: gaorlova@hse.ru.

Abstract. This article is about how bodies, camera and newspaper make the post-Soviet state and social changes of the 90s visible. It tells a history of the awkwardness revealed in the act of photographing. The author works with the letters and photographs that the readers of “Komsomolskaya Pravda” sent to the hybrid beauty contest *Miss KP* announced by the newspaper between 1996 and 2000. Awkwardness or incompleteness, ineptitude, inaccuracy of embodiment is found in the discursive figures of the letters, in the incoherent juxtaposition of texts and photographs, and in the techniques of the photographic posing. In the varieties of awkwardness, the author discovers the effects of the post-Soviet experimentation with revealing the self through the embodiment and self-descriptions.

The perspective given by the body culture studies and visual studies is combined here with the analytics of interdiscursivity and media. This combination allows formulating and answering on the basis of the empirical material the following questions: how do people get involved in social changes and participate in them through their bodies? How do the transformations and shifts of the first post-Soviet decade manifest themselves through the bodily practices in general and the photographic posing for a beauty contest in particular? How do the contemporaries of the Soviet Union collapse re-opened their selves and bodies anew, voluntarily or involuntarily?

The text consists of four parts. First, the concept of awkwardness is specified through its connection with the embodiment. Second, the beauty contest of “Komsomolskaya Pravda” is described in its heterogeneity as a dispositive of the post-Soviet changes. Third, it traces how 90s embodied in the stories and self-descriptions sent for beauty contest. And finally, the manifestations of awkwardness captured in competitive photographs and provoked in front of the camera come into focus.

Key words: biogramms, self-descriptions, posing, social changes, beauty contest, interdiscursivity, newspaper, post-Soviet state, 90s.

